

сированные темпы коллективизации привели к широкому применению насильственных методов организации коллективных хозяйств, запугиванию и принуждению крестьян. В архивных документах отмечается, что даже сельские коммунисты не желали идти в колхозы и показывать пример остальным. В отчетах окружкома говорится о таких высказываниях членов партии из деревни: «мы катимся к нищете», «колхозы ничего не делают» и т.д. [6, с. 485-486]. Недовольство такой политикой выливалось в различные формы протеста и простых крестьян. Но, несмотря на протесты крестьян, допущенные просчеты и очевидные преступления, имевший место массовой отток крестьян из колхозов, нарастает новая волна коллективизации весной и летом 1930 года.

В аналитическом обзоре ГПУ «О состоянии колхозного сектора в Витебском округе» в 1930 году, как типичные явления в колхозах, отмечаются следующие: повсеместная бесхозяйственность, безобразное отношение к колхозному скоту, бывшим кулацким садам, потравы сенокосов, отсутствие трудовой дисциплины (массовый характер), пьянство [7, с. 306, 320].

Положение в деревне тяжело сказывалось на продовольственном снабжении города. Весной 1930 года были налицо все признаки продовольственного кризиса в Витебске. В докладе начальника Витебского ГПУ о продовольственных затруднениях в Витебске по состоянию на 25 апреля 1930 года приведены нормы выдачи основных продуктов взрослому населению. Так, хлеба ржаного на один день планировалось 300 г., сахара 750 г., подсолнечного масла 250 г. на месяц. Но даже эти скудные нормы не обеспечивались. К лету ситуация усугубилась. К июлю 1930 года мясом и молоком снабжались только воинские части, и закрытые учреждения, и то с большими перебоями. Не хватало хлеба для карточного снабжения даже по минимальным нормам. За июнь по округу вместо 115 тонн мяса было заготовлено всего 20,7 тонны. Цены за июнь-июль на рынке выросли в 11,5 раз [8, с. 127-132]. Такое положение вызывало недовольство различных слоев городского населения. Коренная ломка привычного уклада крестьян приводила, таким образом, к глубоким переменам не только в жизни деревни, но и города.

В 1935 году коллективизация в БССР была завершена: в колхозах оказалось 85,6% крестьянских хозяйств, в 1939 году – более 90%. Мелкотоварное крестьянское хозяйство было разрушено и преобразовано в коллективное. По ряду показателей колхозы намного отставали от личных крестьянских хозяйств. Например, в 1940 году удельный вес колхозов, совхозов и других общественных хозяйств республики составлял в производстве мяса – 11,4%, молока – 13,2%, картофеля – 34%, зерновых культур – 52,1%, хотя в распоряжении общественных хозяйств было 57,1% посевных площадей.

Форсированное проведение коллективизации, сопровождавшееся беззаконием и унижением человека, привело к отчуждению крестьянина от земли, лишило его заинтересованности в результатах своего труда.

Литература

1. Государственный архив Витебской области (ГАВО). – Ф. 10051. – Оп. 1. – Д. 688. – С. 22
2. ГАВО, – Ф. 10051. – Оп. 1. – Д. 704. – С. 6
3. ГАВО, – Ф. 10051. – Оп. 1. – Д. 682. – С. 255
4. ГАВО, – Ф. 10051. – Оп. 1. – Д. 810. – С. 13
5. ГАВО, – Ф. 10051. – Оп. 1. – Д. 686. – С. 63
6. ГАВО, – Ф. 10051. – Оп. 1. – Д. 702. – С. 485-486
7. ГАВО, – Ф. 10051. – Оп. 1. – Д. 809. – С. 306, 320
8. ГАВО, – Ф. 10051. – Оп. 1. – Д. 705. – С. 127-132

ИСТОРИЯ ФОРМИРОВАНИЯ ДОВОЕННОЙ ХУДОЖЕСТВЕННОЙ КОЛЛЕКЦИИ ЖИВОПИСИ УК «ВОКМ»

К.А. Дюхова

Точкой начала летоисчисления Витебского областного краеведческого музея (далее УК «ВОКМ») принято считать 1924 год – год создания Витебского отделения Белорусского государственного музея (далее ВО БГМ). История же вошедших тогда в фонды коллекций берет свое начало намного раньше: художественные произведения упоминаются ещё в собраниях дореволюционных витебских музеев и частных коллекциях.

У истоков коллекции УК «ВОКМ» стоит имя известного коллекционера и музейоведа А.Р. Бродовского. В 1915 г. он привез из Вильно свое частное собрание «(...) с целью заложить в г. Витебске Губернский музей» [1, л. 1]. В стены нового музея, основанного 12.11.1918 г., в составе Виленского военного собрания поступило 11 портретов военкомандующих [2, л.3-5]. За девять лет музейной деятельности Бродовский продолжал пополнять коллекцию. В 1923 г. Губмузей в одночасье лишился помещений и переехал в полуразрушенное здание Успенского собора. В таких

условиях значительная часть музейных предметов была испорчена и разграблена. В подобном состоянии оказались и другие дореволюционные музейные учреждения города.

В целях концентрации художественных и культурно-исторических ценностей СНК БССР постановил от 19.11.1924 г. на базе бывшего Губмузея открыть ВО БГМ как «государственный центр охраны музейных ценностей республиканского значения» [3, л. 102]. Музей расположился в здании городской ратуши. В основу музея были положены коллекции четырех ранее существовавших в городе общедоступных учреждений: Витебской ученой архивной комиссии, Церковно-Археологического «Древлехранилища», Витебского частного музея В.П. Федоровича и Витебского Губернского музея с экспонатами А.Р. Бродовского. Структура музея включала 6 отделов, в том числе и художественный («Куток малюнкаў»).

С этого момента начался и один из самых ярких и плодотворных в плане комплектования, систематизации и изучения периодов в истории художественной коллекции. Прежде всего, это связано с приходом в музей квалифицированных специалистов: Зенковича В.В., Василевича Я.И., Краснянского В.Г., Богородского Н.Н., Бродовского А.Р., Добровольского В.В. и др.

Археологическая направленность частной коллекции Федоровича определяла относительно небольшое количество в ней произведений изобразительного искусства (8 работ): портреты С. Понетовского, К. Ходкевича, Э. Азаровича и др. [4, л. 1-4]. Большей частью религиозная коллекция Древлехранилища: «сотни икон, (...) портреты митрополитов и епископов», — являлась отражением интересов белорусского православного и униатского населения [5, с.210].

В ноябре 1924 г. постановлением СНК научное имущество витебского историка, краеведа и преподавателя А.П. Сапунова признано национальной собственностью и также перешло в собственность ВО БГМ [6, л. 1-5].

1918-1920-е гг. стали апогеем культурной жизни города. Комиссар по делам искусства в г. Витебске М.З. Шагала одновременно с созданием Народного художественного училища (1918г.) занимается организацией Музея современного искусства. В Витебске была собрана уникальная коллекция «левого направления», в которой были представлены все современные русские художники авангарда. Однако неопределенность в единстве концепции музея, постоянно меняющееся руководство, отсутствие помещения так и не позволило сохранить музей. В 1923 г. учебное заведение реорганизовано в Техникум и перешло на содержание ГубОНО. Многие картины исчезли бесследно. Передача 31 картины (Экстер, Штеренберга, Кунина, Фалька, Шагала, Кандинского и др.) в фонды ВО БГМ состоялось 16.09.1925 г. [7, л. 26-27].

То, что именно в Витебске находился единственный в то время Художественный техникум Беларуси, обеспечило выгодное положение музею. Это проявлялось, прежде всего, в активной деятельности местных художников, которые передавали свои работы в фонды музея [4, л. 1-4]. Не редкими были дарения и закупки от частных лиц. Таким образом было положено начало формированию коллекции работ И.Е. Репина. В 1929 году его дочь Т. Репина-Язева передала музею 6 акварелей. Согласно документации за 1935 год в музее имелись еще «две оригинальные иконы» известного художника — «Богородица с младенцем» и «Христос с чашей Причастия», «изъятые из закрытой Слободской церкви Витебского района» [8, л. 1-5; 10].

1930-е гг. стали этапом целенаправленной идеологизации. Новое руководство было заинтересовано в получении «картин историко-революционного содержания». С этой целью даже готово было предоставить в обмен работы И.Е. Репина. Состояние художественной коллекции в 1930-е проследить весьма трудно в связи с небрежным ведением и бесчисленным копированием документации или отсутствием таковой. Лишь в письме Шевчика Ю.И. инспектору музеев БССР говорится о том, что в музее имелось «...194 картины маслом и 167 акварельных рисунков» [8].

Следующий этап распада коллекции связан с формированием Государственной картинной галереи БССР в Минске. На основании постановления СНК БССР от 24.01.1939 Витебский музей передал галереи 39 произведений: работы Репина, Айвазовского, Клевера, Л. Вивiani, 13 картин «левого искусства» и др. [3, л. 58-59].

В 1937 г. после трагической смерти Ю.М. Пэна Витебскому Госмузею передали картины художника «в количестве 800 штук» [10, л. 1]. В 1939 году галерея картин Ю.М. Пэна открыла двери для посетителей.

1940-1941 гг. отмечены попыткой возрождения музея. На должность директора пришел высокого уровня специалист музейного дела В.К. Зейлерт. Предпринимается попытка научной инвентаризации коллекций, но начинается война. Следуя предписанию обкома, музей продолжал работать по «военным законам». Это показало не подготовленность музейных фондов к срочной эвакуации за три дня. Плombировка и опись не проводились. Лишь небольшая часть собрания, в т. ч. коллекция картин Пэна, летом 1941 г. была вывезена в Саратов на хранение музеем им. Радищева. В Витебске оставалось около 15 тыс. предметов.

В 1946 г. из Саратова вернулась только часть коллекции Пена и четыре десятка живописных работ из «довоенного» собрания. Резэвакуацией занимался витебский Дом народного творчества. В розыске оказалось почти 200 художественных произведений. Практически полностью была утрачена столетняя музейная документация.

История и судьба художественной коллекции довоенного периода трагична и запутана. Вместе с тем, являясь одним из центров культурной жизни города, Витебскому историческому музею удалось сформировать первоклассное собрание художественного значения. Многие картины сегодня обнаружены в собраниях других музеев (НХМ РБ, Государственный Русский музей и др.). В УК «ВОКМ» хранятся лишь единицы.

Литература

1. Витебский областной краеведческий музей, н/а, ф.5, д.2, 48 л.
2. ВОКМ, н/а, ф.3, д.10/2, л. 3-5, 14.
3. Государственный архив Витебской области, ф. 1947, оп. 1, д. 11, л.102; д.98, л. 58-59.
4. ВОКМ, н/а, ф.11, д.1, л. 1-4.
5. Краснянский, В. Г. Краткий очерк музейного строительства в Витебске / В.Г. Краснянский, А. Букина // Витебскі сшытак – Витебск, 2000 – №4 – С.206-211.
6. ВОКМ, н/а, ф.12, д.1, л.1-5.
7. ВОКМ, н/а, ф. 17, д.2, л. 26-27.
8. ВОКМ, н/а, ф.3, д.7, л.1-5.
9. Шевчик, Ю.М. Две картины художника Репина / Ю.М. Шевчик // Витебский пролетарий. — №7 (09.04).—1935.—С.4.
10. ВОКМ, н/а, ф.3, д.10/1, л.1-2.

ГЕРМАНИЯ – СССР: ДОГОВОР О НЕНАПАДЕНИИ 1939 ГОДА И ЕГО ИНТЕРПРЕТАЦИИ В СОВРЕМЕННОЙ ЕВРОПЕ

Н.А. Ермоленко

УО «Витебский государственный технологический университет»

Первого сентября 2009 года мировая общественность отметила 70-летие начала Второй мировой войны.

Накануне этой даты поднялась очередная волна исторического «ревизионизма». Возможно, её высшая точка – принятие 2 июля 2009 года Парламентской ассамблеей ОБСЕ необычной резолюции: Советский Союз, разгромивший фашизм и спасший человечество от коричневого рабства, обвиняется в равной ответственности с гитлеровской Германией в развязывании II мировой войны. ПА ОБСЕ сделала это по заказу Европарламента, который надумал объявить день 23 августа «днём памяти жертв нацизма и сталинизма». Как известно, 23 августа 1939 года был заключен договор о ненападении между СССР и Германией.

Этот договор уже на протяжении многих десятилетий используется для различного рода манипуляций упомянутыми ревизионистами. Пакт Молотова - Риббентропа ревнителю «правды» клеймят как позорный. Но ведь очевидно, что сами по себе договоры и декларации не могут быть делом плохим и уже тем более позорным. Подписание подобных соглашений – обычная европейская практика тех лет. Например, аналогичный договор с Германией имела Польша. 7 июня 1939 года договор о ненападении с Германией заключила Литва, Латвия и Эстония. 3 сентября 1938 года была подписана Декларация о ненападении и мирном решении спорных вопросов между Германией и Великобританией, а 6 декабря 1938 года, то есть через два месяца, – аналогичная франко-германская декларация. Советский Союз предлагал Германии подписать подобное соглашение ещё в 1936 году. Тогда Германия отказалась, сославшись на отсутствие общих границ с СССР. В 1939 году Германия прямо заявила, что собирается ликвидировать Польшу и поскольку появляется граница с СССР, есть необходимость заранее урегулировать отношения с СССР. Приведем современную оценку пакта 1939: «... с точки зрения морали или дипломатической практики того времени СССР последним, уже находясь на грани дипломатической изоляции, подписал с Германией договор о ненападении. Москва фактически присоединилась к общеевропейской практике, как сейчас говорят, «разделила европейские ценности» [1, с.4].

Пакт Молотова-Риббентропа квалифицируется недобросовестными «аналитиками» как сговор Германии и СССР в целях раздела сфер интересов в Европе. В который раз СССР выставляется в качестве агрессора и виновника начала Второй мировой войны.